

Рудольф Штайнер

МИССИЯ ЗЕМЛИ

(Из цикла лекций «Земной и космический человек»)

Берлин 14 мая 1912 г. Каталог № 133.

Философско-антропософское книгоиздательство «R.O.S.»

Одесса 1991¹

Вы знаете, что постоянный вопрос жизни, а также и философии, есть вопрос о так называемом *смысле бытия*, но благодаря нашей антропософской жизни мы постепенно привыкаем к известной скромности как раз в отношении того, что здесь имеется в виду, и знаем, что хотя через исследование духовных миров человек видит или мыслит обычное чувственного мира, но мы знаем также, что никоим образом нельзя сразу же что-либо сказать о первопричинах или о последнем и высшем смысле жизни. Поверхностное мышление тотчас же возразит: что же тогда мы знаем вообще, если мы не можем ничего знать о «смысле жизни»?

Мы часто уже приводили сравнение, которое может выступить перед нами в духе духовного знания и как бы прояснить нам, что возможно или невозможно в этом вопросе. Мы говорили: если некто хочет куда-либо поехать, и в данной местности ему могут указать тот путь, который он должен предпринять до ближайшего места, с уверенностью, однако, что там ему помогут дальше, то он мог бы, спрашивая по частям и не зная пути к последней цели, все же быть уверенным, что он достигнет этой последней цели, переходя с места на место. Точно так же и мы, как антропософы,

---

¹ Последняя коррекция в русский перевод внесена 16 июня 2006 г. (по английскому изданию). Необходимо, однако, выверить весь перевод по немецкому оригиналу. Р.И.

спрашиваем не о «последних целях», но о ближайших, то есть, о цели Земли, и знаем, что не имело бы смысла спрашивать о «последних целях», ибо мы знаем, что главное в человеческой жизни есть *развитие*, так что нам должно быть ясно, что в настоящий момент мы вообще не могли бы понять позднейших целей развития и должны сначала развиться, чтобы получить понимание того, как задумана позднейшая цель.

Итак, мы спрашиваем о ближайших целях и уясняем себе, что, ставя перед собой, как идеал, именно ближайшую цель, стремясь к ней, избирая правильные средства и тем самым достигая ее, мы в то же время приходим к следующей точке нашего развития так, что на этой точке мы сможем снова поставить правильный вопрос о следующей «ближайшей цели», и так далее. И, между тем, как могло бы показаться, что благодаря антропософии или духовной науке человек становится нескромным, так как он проникает за пределы обыкновенного мира в духовный, в действительности же по отношению к вопросам о высочайших вещах, которые обычно ставятся так легко, он, напротив, становится скромным именно в отношении этих высших вещей.

Итак, мы спрашиваем себя прежде всего о цели Земли. Другими словами, мы спрашиваем себя: что присоединяет человек в том периоде развития, когда он проходит через физические перевоплощения, которые мы называем физическими воплощениями в теле на Земле, что присоединяет он к тому, что было достигнуто в прежние эпохи развития, в эпоху Сатурна, Солнца и Луны? Чтобы рассмотреть это, проведем перед своей душой такие вещи, которые мы уже знаем с той или другой стороны, но которые должны послужить нам сегодня для того, что можно назвать смыслом земного развития. Обратим внимание на то, что уже было указано в другой связи.

Когда в греко-латинской культурной эпохе – можно было бы сказать и точнее: в шестом веке до нашего летоисчисления – началось разумное, рассудочное человеческое мышление / основывающееся на причинности/, то часто высказывалась мысль, что вся философия исходит из того, что можно

назвать *изумлением* или *удивлением*. Это значит, другими словами: пока человек не может почувствовать удивления, изумления по отношению к явлениям окружающей его жизни, до тех пор он живет без мыслей и не спрашивает умом или рассудком о том, *почему* вещи протекают так или иначе. «Из удивления или изумления исходит вся философия» – это было постоянным выражением в древней греко-латинской культурной эпохе.

Что же, собственно, значит для жизни человеческой души это изречение?

Если человек никогда не видел несущегося локомотива (в современной европейской культуре трудно уже найти такого человека, но еще недавно таких людей можно было еще встретить; теперь для этого нужно идти в довольно глухие места), то, видя проходящий поезд, он удивится и удивится именно тому, что нечто движется, но не имеет к этому тех средств, к которым он привык, когда речь идет о движении, ибо известно, что многие из удивлявшихся при виде локомотива спрашивали, нет ли в нем внутри лошадей, которые приводят его в движение. Почему же эти люди были удивлены, изумлены тем, что они видели? Они были удивлены, потому что видели нечто *отчасти уже известное и все же казавшееся неизвестным*. Им было известно, что нечто может двигаться, но прежде они видели, как все, что движется, наделено совсем другими силами. Теперь же движение представлялось им в таком виде, в каком оно никогда не являлось им прежде, и это вызвало удивление.

Если философы греко-латинской культурной эпохи только потому и могли быть *философами*, что могли удивляться, то они, следовательно, были людьми, которые ощущали все происходящее в мире одновременно как нечто известное и как нечто неизвестное, причем им казалось, что все это, в сущности, не должно было происходить так, как оно происходит, что во всем происходящем должно искать что-то им неизвестное. Каким же образом получается, что философы должны стоять перед всеми вещами, как если бы они были им совершенно неизвестны в отношении иных, действующих в них сил и причин? Так как нужно думать, что

философы, по крайней мере, настолько же умны, как люди, которые совершенно не думают о своем окружении, то нельзя предположить, чтобы они знали о вещах только то, что воспринимается обыкновенными органами чувственного восприятия. Они должны были смутно чувствовать и отмечать в вещах нечто недостающее, повергающее их в изумление, то есть, нечто, не находящееся в чувственном мире. Поэтому в дополнение к тому, что есть в чувственном мире, философы, пока еще не было материализма, искали всегда что-либо сверхчувственное.

Итак, можно сказать: *удивление, изумление* философов должно относиться к тому, что они не могут понять некоторых вещей при помощи того, что видимо чувственными глазами, и должны сказать себе: «То, что я вижу, не соответствует тому представлению, которое я об этом имею; я должен представить себе здесь иные сверхчувственные силы». Но в чувственном мире философы не видят этих сверхчувственных сил. Этого одного было бы уже достаточно для мыслящего человека, чтобы уяснить себе, что в человеке есть некоторое, хотя и не достигшее сознания, подсознательное воспоминание о том времени, когда душа видела еще нечто иное, чем чувственные вещи. Это значит – душа вспоминает о вещах, через которые она прошла прежде, чем вступила в чувственное бытие, и поэтому говорит себе: «Я удивлена, ибо вижу здесь вещи, которые удивляют меня в своих действиях, и которые являются иными, чем все, что я видела прежде, и, следовательно, требуют для своего объяснения сил, которые я должна сперва принести из сверхчувственного мира». Поэтому всякая философия начинается с удивления или изумления, ибо человек действительно подходит к вещам так, что, вступая в чувственно воспринимаемый мир, он исходит из сверхчувственного мира и видит, что чувственные вещи не соответствуют тому, что он воспринял в сверхчувственном мире. Поэтому он удивляется, – он удивляется потому, что вещи являют ему такие действия, которые он может знать только из сверхчувственного мира. Таким образом, удивление и изумление указывают нам на связь человека со сверхчувственным миром как на нечто, принадлежащее к той

сфере, в которую человек может вступить только тогда, когда он выйдет из своего мира, в который он затянут благодаря физическому телу.

Это есть первое, что указывает нам здесь, в этом мире, что человек постоянно стремится выйти за пределы самого себя. Кто может оставаться только в самом себе, кого удивление не увлекает за пределы своего обычного «я», тот остается человеком, не способным подняться над собой, предоставляющим солнцу восходить и заходить, и так далее, ни о чем не заботясь. Так поступают некультурные народы.

Второе, что высвобождает человека из обыкновенного мира, что уже здесь приводит его от простого чувственного к сверхчувственному созерцанию, это *сострадание* или *сочувствие* (я говорил уже не раз об этом). Кто проходит в мире без мыслей, тому сострадание не кажется великой тайной или особенной мистерией, но кто проходит через мир, размышляя, тому сострадание кажется чудом, великой мистерией. Когда мы смотрим на какое-либо существо только внешне, оно представляет нашим чувствам и нашему рассудку то, что проистекает от исходящих из него впечатлений. Но когда мы развиваем сострадание, то мы выступаем за сферу впечатлений, производимых на нас этим существом, мы сопереживаем святой святых этого существа, вживаемся из сферы нашего «я» в сферу другого существа. Но это значит: мы освобождаемся от себя и уходим от того, чем мы обычно заняты в физическом теле, и переходим в то, что содержит в себе другое существо, и что даже в этом мире есть уже сверхчувственное, ибо нашими органами чувств или нашим рассудком мы не можем войти в душевную сферу другого существа. Сострадание, – тот факт, что оно есть в мире, – служит доказательством того, что мы уже внутри этого чувственного мира можем освободиться от себя, выступить из себя и перейти в другое существо. Мы знаем, что когда человек не может почувствовать сострадания, то это является нравственным дефектом, нравственным недостатком. Если в то мгновение, когда он должен был бы освободиться от себя и перейти в другое существо, чтобы почувствовать не свою боль и не свою радость, но сопережить боль и радость другого существа, – если в этот момент он

перестает вообще что-либо чувствовать и, как бы, впадает в обморочное состояние, то это есть нравственный порок. Совершенный земной человек должен через сострадание к другим существам быть в состоянии выступить за пределы своей земной жизни, должен уметь сопереживать то, что есть не он, но что есть другое существо.

Третье, благодаря чему человек выходит за пределы того, что он есть в физическом теле, мы также уже отметили: это *совесть*. В обыкновенной жизни человек желает того или иного, отвечающего потребностям или порывам, он следует за тем, что ему симпатично, отталкивает от себя то, что ему несимпатично. Поступая таким образом, человек совершает многое, что он сам потом осуждает, когда его совесть, голос его совести, как бы поправляет его, звучит в нем. От голоса совести, смотря по тому, говорит он то или другое, зависит, в конце концов, удовлетворенность или неудовлетворенность человека тем, что он совершает. Это свидетельствует о том, что в *совести* человек также имеет то, благодаря чему он выходит за пределы той сферы, которую он в своих порывах, страстях и т. д. ощущает как симпатичную или антипатичную ему.

Удивление, или *изумление*, *сострадание*, или *сочувствие* и *совесть* суть то тройственное, благодаря чему в нашу физическую жизнь просвечивают вещи, не могущие войти в человеческую душу путем рассудка и органов чувств.

Но легко понять, что эти три силы возможны только тогда, они могут развиваться лишь в том случае, когда человек проходит воплощение в чувственном теле, когда его физическое тело, как бы, отделяет его от того, что из другой сферы вступает в сферу его души. Если бы чувственное тело не отделяло человека от духовного мира и не предлагало бы ему внешнего, воспринимаемого внешними чувствами мира, то он не смог бы удивляться. Только благодаря чувственному телу происходит то, что человек может удивляться чувственным вещам и должен искать дух, соответствующий этим вещам. И если бы также один человек не был отделен от другого, если бы люди жили в общем единстве, так, чтобы единое духовное пронизывало каждого человека, если бы

каждая душа не была заключена в физическое тело, образующее вокруг него непроницаемую оболочку и отделяющее ее от других душ, то мы не могли бы развивать того, что мы называем состраданием. И если бы, наконец, это чувственное тело не было бы способным стремиться к тому, что может быть исправлено в нем чем-то другим, то нельзя было бы почувствовать совести как той духовной силы, которая произносит свое слово в мире человеческих порывов, страстей и вожделений. Таким образом, человек должен быть воплощен в физическом теле, чтобы мочь пережить эти три силы: изумление, или удивление, сострадание, или сочувствие, и совесть, или моральную ответственность.

В наше время мало заботятся об этих тайнах, которые, однако, глубоко объясняют нам мир бытия. Но еще недавно люди весьма заботились об этом. Вы должны уяснить себе только одно. Попробуйте разобраться, например, в мире греческих богов, тех богов, о которых повествует Гомер. Постарайтесь дать воздействовать на свою душу всему, что совершают греческие боги в своих делах, или постарайтесь уяснить себе, какие импульсы, например, имеет то существо, которое стоит еще как последний остаток прежних земных поколений, – Ахилл, происходящий от божественной матери. Посмотрите «Илиаду» и «Одиссею», спросите у Гомера, жило ли в этом существе, стоящем как бы посередине между людьми и богами, нечто такое, что можно было бы назвать *совестью* или *состраданием*? Подумайте только, что еще Гомер строит всю «Илиаду» на том, что в ней бушует и свирепствует гнев Ахилла, то есть страсть, неукротимая страсть. Вы должны оставить в стороне все то, что есть в этом греческом мифе. «Илиада» не говорит ни о чем ином, кроме того, что произошло благодаря гневу Ахилла, то есть, благодаря страсти. Взгляните на все поступки Ахилла и попробуйте тогда сказать, живет ли в Ахилле сострадание или совесть? И в нем не живет также и то, что можно было бы назвать удивлением или изумлением. Величие Гомера заключается именно в том, что он так изумительно передал эти вещи. Проследите в «Илиаде» за мимикой Ахилла, когда ему говорят о различных ужасных событиях. Он держит себя совершенно иначе, чем человек, который был бы удивлен или

изумлен. Представьте себе также самих греческих богов: они развивают всевозможные желания, о которых вы можете сказать, что они приобретают явно эгоистический характер у человека, заключенного в физическое тело. У богов они еще являются духовными, но во всем, что говорится о греческом мире богов, нет сострадания, совести и того, что мы можем назвать удивлением. Почему же этого нет? Потому что и Гомер, и греки знали: дело идет там о существах, принадлежащих прежним временам, предшествовавшим временам Земли, когда эти существа, проходившие свое прежнее человеческое развитие в духе прежних планетарных состояний, не приняли еще в свою душу удивления, сострадания и совести. Нужно точно отметить одну черту: прежние планетарные состояния, через которые прошла Земля, и на которых проходили свою человеческую ступень существа, почитаемые греками в их богах, были совсем не для того, чтобы прививать *удивление, сострадание и совесть*. Для этого существует развитие Земли.

Итак, смысл развития Земли заключается именно в том, что в течение земного развития в общем ходе эволюции насаждается то, чего не могло быть без этого развития Земли: удивление (изумление), сострадание (сочувствие) и совесть.

Припомните, как я указывал вам, что совесть, так сказать, осязаемо возникает в известную эпоху развития Греции, как еще у Эсхила не играет никакой роли то, что мы называем совестью», как у него есть еще воспоминание о мистических фуриях, и как только затем у Эврипида ясно выявлено то, что мы называем «совестью». Понятие совести возникает лишь мало-помалу в греко-латинскую культурную эпоху.

О понятии изумления, или удивления, я мог вам сказать сегодня, что оно развивается впервые в то время, когда начинается философия в стиле греко-латинской культурной эпохи. И когда мы рассматриваем один знаменательный факт духовного развития Земли, то этот факт проливает значительный свет на то, что можно назвать состраданием, сочувствием, и что в истинном смысле можно также назвать любовью. В нашу современную материалистическую эпоху

чрезвычайно трудно получить правильный взгляд на это понятие сострадания и любви. Ибо многие из вас знают, что в нашу материалистическую эпоху оно искажается и извращается тем, что материализм нашего времени связывает понятие «любви» с понятием сексуального, с которым любовь не имеет ничего общего. В этом пункте наша современная духовная культура теряет не только разум, но даже и то, что вообще допустимо при здоровом мышлении. Развитие нашей эпохи благодаря материализму впадает не только в неразумное и нелогичное, но и в позорное, столь тесно сближая то, что можно назвать любовью, с тем, что позволяет определить себя в понятии «сексуального». Тот факт, что в известных условиях в любви между женщиной и мужчиной может присоединиться и нечто сексуальное, не дает еще права так тесно сближать эти понятия: всеобъятность любви и сострадания с совершенно специфическим сексуальным. Логически это так же разумно, как если бы, например, понятие «локомотива» и понятие «раздавленного» – только потому, что локомотивы иногда давят людей – стали рассматривать как два сопринадлежащих понятия, подобно тому, как теперь связывают вместе любовь и сексуальность только потому, что при известных условиях они внешне встречаются вместе. Но это происходит не из каких-либо научных оснований, а из неразумного и часто совершенно нездорового образа мыслей нашего времени. Напротив, другой факт в высшей степени способен показать нам значительное в принятии любви и сочувствия: тот знаменательный факт, что в определенный момент, можно сказать, у всех народов в ходе земного развития, наступает нечто, во многом весьма различное, но в одном общее по всей Земле. В восприятии понятия *любви*, понятия *сочувствия* знаменательно, что в 5-м, 6-м, 7-м веках до вступления импульса Христа в человечество по всей Земле выступают основатели мировоззрений. Они выступают у всех народов. В высшей степени знаменательно, что в Китае мы имеем одновременно Лао-Цзы и Конфуция в 6-м в. до Р.Х., в Индии – Будду, в Персии – последнего Заратустру (не первого, основного), в Греции – Пифагора. Как различны эти основатели религий! Только абстрактное восприятие, не

способное видеть различий, может, как это часто делается теперь, но что неправда, утверждать, что Лао-Цзы или Конфуций говорят о том же, что и другие основатели религий. Но есть одно общее у всех: все они указывают в своих учениях, что сострадание или любовь должны господствовать в отношениях одной человеческой души к другой. Знаменательно, что за шесть веков до Р.Х. начинает оживать сознание, что в дальнейшем ходе человеческого развития должны быть восприняты сочувствие и любовь. И мы можем сказать: как явление изумления или удивления, так и явление совести, а также явление сострадания и любви в ходе человеческой эволюции показывают, что во время четвертой послеатлантической культурной эпохи появляются все признаки того, что в человеческое развитие действительно вливается нечто, что мы можем назвать *смыслом земного развития*.

Как бесконечно поверхностно, как бесконечно неразумно, когда люди говорят, например: «Почему человек должен был опуститься из бытия божественно-духовных миров в физический мир, если потом он снова должен подняться к ним в ходе развития? Почему он не мог бы оставаться вверху?» Он не мог бы оставаться вверху потому, что три силы: удивление, или изумление, любовь, или сочувствие, и совесть, или моральная ответственность, – могли быть восприняты только на Земле, благодаря нисхождению в физическое развитие Земли.

Итак, мы должны сказать себе: мы смотрим на четвертый послеатлантический период культуры и видим, как в то время в человечество вступают импульсы, которые – собственно, только с тех пор, – должны получать все большее и большее преобладание в человечестве. Весьма легко показать, что и теперь в человечестве еще слаба власть сочувствия и любви, слаба власть совести. Без сомнения, это легко показать. Но, указывая на это, нужно тотчас же принять во внимание, что в греко-латинскую эпоху в мире еще было определенное количество признанных рабов, и что даже столь великий философ как Аристотель смотрел на это существование рабов как необходимо лежащее в человеческой природе, и что с тех пор любовь настолько

проникла в жизнь, что хотя и теперь еще между людьми есть неравенство, но есть уже некоторое чувство стыда перед известными вещами; это значит, что в душах постепенно развиваются те силы, которые тогда вошли в человеческое развитие. Теперь никто не позволит себе, если у него нет трагической односторонности судьбы Ницше (о последователях Ницше мы можем здесь не говорить, ибо в здоровом состоянии он сам отверг бы их), никто не позволит себе открыто защищать ту точку зрения, что в современной Греции должно быть введено сознательное и явное рабство, и никто не станет отрицать, что величайшее чувство в человеческой душе есть любовь и сочувствие, и что задача человека заключается в том, чтобы сделать все более и более чистым тот голос, который звучит в человеческой душе как бы из другого мира.

После того, как мы выяснили себе, что смысл земного развития состоит в развитии трех указанных сил, обратимся к тому импульсу, который мы часто называли глубочайшим в развитии человечества импульсом, падающим как раз на четвертый послеатлантический период культуры: к импульсу Христа. Даже внешнее рассмотрение показывает нам, что он выступает именно в то время, когда Земля созрела для развития трех сил: удивления, или изумления, сострадания, или любви, совести, или моральной ответственности. Когда эти три силы впервые выступают, как истинные человеческие способности, как принимаем мы импульс Христа? Мы принимаем его, зная, что однажды он вошел в развитие человечества.

Если мы смотрим на импульс Христа, видя в нем сошествие духовного импульса, который с древних лемурийских времен оставался наверху, и который сочетался с развитием Земли в четвертую послеатлантическую культурную эпоху в момент, указанный крещением от Иоанна на Иордане и завершившийся мистерией на Голгофе, то мы имеем в импульсе Христа – если мы его так себе представляем – нечто, о чем мы всегда говорили, что сущность, называемая нами Христос, была воплощена не в обыкновенном физическом человеке, – мы знаем, как сложно был построен Иисус из Назарета для того, чтобы в течение трех лет нести

в себе импульс Христа. Отсюда нам ясно, что импульс Христа жил на Земле в течение трех лет, облеченный тремя оболочками другого человека, и нам также ясно, что еще даже тогда импульс Христа не был еще воплощен на Земле, но лишь пронизывал, наполнял собой плоть того, кто стоял там как Иисус из Назарета. Вам должны быть понятны указания на то, что о возвращении Христа не может быть и речи; ибо можно говорить только об однократном импульсе, данном в эпоху палестинских событий, когда от Иисуса из Назарета при крещении Иоанна осталось только его физическое, эфирное и астральное тела, которые и были направляемы импульсом Христа, обитавшим затем в них в течение трех лет на Земле. С тех пор, как мы знаем, Христос связан с духовной атмосферой Земли и может быть виден в ней теми, которые хотят его принять. С тех пор он находится в духовной атмосфере Земли – но прежде его не было в ней. Таков знаменательный перелом в развитии Земли, после которого она содержит в себе то, чего прежде не содержала.

И мы знаем еще, что, взглянув кругом, мы видим различные царства природы, но в том, как мы их видим, нет ничего действительного, что это есть майя, великая иллюзия. Если мы обратимся к царству животных, то увидим, как возникают и преходят отдельные образы, увидим, что остается, в конце концов, только групповая душа. Если мы посмотрим на царство растений, то мы точно так же увидим, как отдельные растения возникают и преходят, но за ними мы увидим Духа Земли, которого мы представляли, как нечто пребывающее, а в физическом – одинаково в животном, растительном или минеральном царстве – мы не можем увидеть чего-либо пребывающего. И если мы проследим земной процесс хотя бы только внешними органами чувств, то мы увидим, как планета Земля постепенно распыляется и однажды превратится в мировую пыль. Мы говорили о том, что будет, когда тело Земли будет сброшено с себя Духом Земли, так же как отдельное человеческое тело сбрасывается духом человека. Что же останется, когда внешняя субстанция Земли достигнет того времени, когда Земля достигнет своей цели? Импульс Христа был на Земле, был, как духовная субстанция, и он останется, он будет воспринят человеком в

ходе развития Земли. Но как продолжает он жить? Когда он три года странствовал на Земле, то он не имел своего физического тела, эфирного и астрального, – он принял на себя три оболочки Иисуса из Назарета. Но когда Земля достигнет своей цели, она, как человеческое существо, будет совершенным существом, соответствующим импульсу Христа.

Откуда же импульс Христа возьмет для себя три оболочки? Из того, что может быть взято только от Земли. Ибо все, что со времени четвертой послеатлантической культуры изживается на Земле в развитии человечества после мистерии Голгофы, все, что изживается как изумление, удивление перед вещами, все, что может жить в нас как изумление и удивление, все это в конце-концов направляется к Христу и образует астральное тело для импульса Христа. Все то, что выступает в душах людей как любовь и сострадание, образует эфирное тело для импульса Христа. И что живет в людях, как совесть, одушевляя их со времени Мистерии Голгофы до конца земных путей, образует для импульса Христа физическое тело или то, что ему соответствует.

Так впервые получают свое истинное значение евангельские слова: «Что вы сделали одному из братьев Моих меньших, то Мне сделали» (Матфей 24-40). Этим показано, как то, что исходит от человека к человеку, Христос ощущает как непрерывный ряд крупиц своего эфирного тела, и как все, что развивается как сострадание и любовь, образует эфирное тело Христа, так что в конце развития Земли Он будет троекратно облечен тем, что жило в людях, и что станет оболочкой Христа, когда они поднимутся над своим «я».

Заметьте, что люди живут вместе с Христом. Начиная с Мистерии Голгофы и до конца земного развития они будут становиться все более и более совершенными, развиваясь к тому, что может явиться в них, когда они будут Я-существом. Но они будут связаны с существом Христа, вступившим в их среду, и через свое удивление, изумление строить астральное тело Христа. Ибо Христос не строит сам себе своего астрального тела, но всем тем, что люди находят в себе как удивление или изумление, они будут содействовать

построению астрального тела Христа. Его эфирное тело будет построено тем состраданием и любовью, которые будут действовать от человека к человеку, а его физическое тело будет построено тем, что развивается в человеке как совесть. И то, чем человек грешит в этих трех областях, тотчас же лишает Христа возможности полного развития на Земле, то есть, благодаря этому развитие Земли остается несовершенным. Люди, которые равнодушно идут по Земле, которые не хотят признать то, что может открыться им на Земле, отнимают своим равнодушием у астрального тела Христа возможность его совершенного развития; люди, которые проходят по жизни без сострадания, не развивая в себе любви, задерживают эфирное тело Христа в возможности его полного развития; а те, которые не имеют в себе совести, задерживают в том же его физическое тело. Но это значит: тогда Земля вообще не может прийти к цели своего развития.

Так должны мы ввести в развитие Земли преодоление эгоистического начала. Поэтому импульс Христа будет все более и более вживаться в человеческую культуру, и то, что было показано в последней лекции, когда мы говорили, что, например, на картинах Рафаэля импульс Христа вживается в человечество независимо от того, какую веру исповедовали те или иные люди, это же самое будет продолжаться и дальше. Ибо даже внешнее образное изображение Христа, каким он должен быть дан во внешнем изображении, является вопросом, который требует своего разрешения. Еще много чувств должно пройти через людей на Земле, чтобы к тем многим попыткам, которые уже делались в ряде эпох, присоединилась бы та, которая показала бы, что импульс Христа есть тот сверхчувственный импульс, который вживается в развитие Земли. В прежних попытках нет даже намека на такое изображение. Ибо здесь должно выступить то, что дает образ становящейся внешности, образ, сплетенный из импульсов удивления, сочувствия и совести. И то, что выражается в них, должно быть выражено так, чтобы лик Христа ожил, преодолевая, одухотворяя то, что делает человека земным существом, – чувственное страстное начало, которое должно быть преобразовано в этом лице. В

нем должна быть наивная сила, ибо все то, что можно помыслить, как высшее раскрытие совести, будет выражено в особенной форме подбородка и рта, как они предстают для изображения художника, скульптора, – рот, относительно которого можно почувствовать, что он создан не для принятия пищи, а для выражения всего, что когда-либо развивалось в человечестве как совесть, или моральная сила. Для этого вся система костей, зубов и нижней челюсти принимает форму рта, – вот что будет выражено в этом лице. С этой формой нижней части рта будет связана такая сила, которая пронизет, раздробляя и разбивая все остальное человеческое тело так, что оно примет совершенно другой образ, благодаря чему будут побеждены известные силы. Так что Христу, имеющему такую форму рта, нельзя придать такую телесную форму, как у современного физического человека. Но у этого лица будут такие глаза, из которых будет говорить вся сила сострадания, с которой только глаза могут взирать на другие существа, – но не для того, чтобы только получить от них впечатления, но чтобы всей душой войти в их радость и страдания. Этот лик будет иметь такой лоб, относительно которого нельзя предполагать, что он мыслит в чувственных впечатлениях Земли, – лоб, который будет несколько выступать над глазами, выпукло поднимаясь над передней частью мозга, – не лоб «мыслителя», перерабатывающего то, что уже есть, но удивление будет говорить из этого лба, выступающего над глазами и мягко откинутого назад, над головою, выражая этим то, что можно назвать удивлением перед мистериями мира. Такова должна быть эта голова, которую человек не может еще найти в физическом человечестве.

Всякий истинный образ Христа должен быть изображением Идеала, воплощенного в Нем. Человеческое чувство стремится к этому Идеалу, который ищут в развитии, который все больше и больше будут искать в человеческом развитии. Поскольку человечество будет художественно работать над изображением этого высочайшего Идеала с помощью духовной науки, это чувство как бы скажет: «Ты не должен смотреть ни на что уже существующее, если хочешь изобразить Христа; ты должен укрепить себя, дать

действовать в себе, внутренне пронизать себя всем тем, что может принести тебе духовное углубление в становление мира через три великих импульса: Изумление, Сострадание и Совесть».